

ТАК О ЧЕМ ЖЕ НАМ РАССКАЗЫВАЛА «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА»?

*Размышления о национальной и нравственной природе
художественного явления*

«Чем страшнее и сильнее они (несчастья.— *Е. Щ.*), тем в большей степени их первоисточники находятся внутри, а не снаружи».

Признаюсь, что именно эти слова покойного Н. Эйдельмана (из его письма В. Астафьеву) вспоминаются мне сегодня чаще других, стоит лишь в очередной раз глянуть «окрест себя». «Деревенская проза» — я имею в виду «классиков» этой своеобразной ветви литературы, главным образом В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина, — оттуда, из глубины, из самой что ни на есть народной крестьянской гущи, и рано или поздно наше литературное и общественное бытие потребовало бы принципиально нового взгляда на их творчество. Поскольку несомненно, что оно — зеркало русской почвы и, если хотите, — в определенной степени русской революции: ведь именно отечественная земля приняла зерна явно западноевропейского социализма.

Впрочем, посягать на раскрытие подобных глобальных проблем, тем более отыскивать его в книгах сегодняшних писателей, повременим. В лучшем случае можно лишь чуть-чуть приоткрыть над ними завесу. Не забывая, впрочем, что перед нами — не просто лирическая повесть 60 — 70-х, но и одно из несомненных достижений советской литературы. Хотя не забудем и другое: что нормой ее бытия давно уже была социальная деформация, и наивно было бы считать, что хоть кому-нибудь из художников удастся ее благополучно миновать. Ведь помимо сказанного, к 60-м годам читатель успел основательно подзабыть, что такое в литературе подлинный — не идеализированный, не оглуленный, не винтик государственного маховика — русский крестьянин.

Случайно ли, что русская «деревенская» проза расцвела в эпоху окончательного обуржуазивания брежневского режима и угасания в умах надежд на дальнейшее «потепление»?

Сегодня же, однако, при упоминании имен «деревенских прозаиков» нас куда сильнее тревожит другое. Тревожит их явный крен к национализму и поощрение ими таких поветрий, которые в цивилизованном мире давным-давно осуждены. Конечно, В. Белов и В. Распутин — сильные таланты, неизмеримо возвышающиеся над заурядной националистической братией — той, что лихо размахивает черносотенными лозунгами времен Пуришкевича. Но в истории достаточно примеров, когда ложная дорога губила и могучий талант...

Не любят города герои писателей В. Распутина и В. Белова. Этот мотив в их книгах настолько постоянен, что не оставляет сомнений относительно своей направленности. «Город, как нетопленая печь, не греет, не тешит»,— говорит и Иван Африканович. А как милы, рассказывает В. Белов, те уехавшие из деревни девушки, которых даже город (явно синоним развращающей среды) не испортил — «ничего городского не пристало к этим девчушкам, так и остались певуньями».

Не случайно телятница Даша Путанка, всегда вовремя избавлявшаяся от детей и забывшая все, чем живет вокруг крестьянский люд, шумит на всю деревню, что не будет она «ломить круглый год за двадцать рублей», чем очень сердит работающую, привыкшую волчком вертеться Катерину. Деньги испортили деревенскую бабу! Деньги — и то, что забыла она свой природный долг, свои перед людьми обязанности. А безропотная Катерина «встанет-то в третьем часу, да и придет уже вечером в одиннадцатом, каждой-то. божий день эдак, ни выходного, ни отпуска много лет подряд, а ребятишки-то?» — рассказывает после ее смерти мать.

То, что действительно работать за двадцать рублей круглый год, в жару и холод, нормальному человеку не по силам, что платить работающему такие деньги для государства — стыд и позор, так что обвинять в особой корысти Дашу Путанку нет никаких оснований (есть, конечно, на ней иные, чисто моральные грехи, но грех корысти, по В. Белову, один из главных, потянувший за собой другие) — эти вполне здравые мысли почему-то не приходят в голову ни безропотному Ивану Африкановичу, ни его Катерине, всю жизнь работавшей почти исключительно «за совесть».

Отвлекаясь от повести В. Белова, скажу, что эту исконно народную черту, природное русское бескорыстие (в котором, казалось бы, зазорного ничего нет) всегда исключительно удобно для себя использовало то самое заевшееся на чужих деньгах и хлебах начальство, которое не без оснований терпеть не могут не только Иван Африканович, но и масса реальных крестьян. Это как раз тот случай неразрывного двуединства, когда одна сторона не без успеха питает другую, ею очень нелюбимую, и одна без другой не может жить. Тут навстречу друг другу как бы движутся два потока: природно-крестьянский и наднародно-бюрократический, причем первый ежедневно и ежечасно порождает, кормит и в немалой степени выпестовывает — своим страхом перед ним, своей безответностью и бескорыстием — легионы бюрократов, любителей повелевать и властвовать. Поскольку, как известно, даровой труд разлагает и тех, кто бесплатно трудится, и тех, кто даром кормится.

Так что деревенская проза в определенной степени приоткрывает завесу над одной из загадок русской души и русского государства, которая упорно занимала умы отечественных мыслителей от Вл. Соловьева до Н. Бердяева и С. Франка. Как, природно безгосударственный народ, народ явно не буржуазный, по натуре аскетический, ищущий Божьей правды и -

свободы во Христе, спрашивал в 1915 году Н. Бердяев, тем не менее создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю? Почему «силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие»?

Вряд ли мы доживем до окончательного разрешения этой антиномии, но один из многочисленных каналов, по которому могло идти интенсивное разрастание бюрократии, достигшее апогея в советскую эпоху, приоткрыли нам именно деревенские прозаики.

Надо думать, что без этого нашего родного бескорыстия, которым мы все очень гордимся, но которое непременно станет тормозом на пути продвижения к благосостоянию общества, без бескорыстия, выработанного веками и особенно последними десятилетиями, колхозная система не могла бы прожить и дня. Как колхозное начальство, так и городское очень удобно пользовались привычкой русского человека работать исключительно за совесть, буквально заложенной в его генах. Боже сохрани подумать, что я намерена проповедовать бессовестность и обличать людей бескорыстных и самоотверженных. Бескорыстие — честь и слава. И способность русского человека к бесконечному самоотвержению — его изумительная черта, породившая массу героев, перед которыми должно преклоняться человечество. Но, во-первых, нельзя забывать, как выше уже написано, что на этих изумительных чертах изумительно умеют паразитировать бюрократы. Во-вторых, давным-давно известно, что русская почва крайне противоречива, и приписывать ей способность рождать только праведников абсолютно неверно. Простейшее подтверждение тому, что крестьянским миром двигало не одно только бескорыстие, — раскулачивание (и эволюционное, и конца 20-х), которое никогда не могло бы осуществиться, не будь в деревнях лютых завистников. Самое передовое и единственно верное учение всего лишь оплодотворило эти вековые внутренние распри, дав им направление и, так сказать, узаконив их. Ни до какого исторического выбора крестьянам, конечно, не было дела, зато им понятно было другое — что можно на законном основании поделить поровну землю (а заодно и все прочее), не позволять никому выделиться» и, возможно, где-то в глубине души думать, что отныне можно жить «по совести», на началах полного равенства. Для чего немалому числу людей пришлось поступиться и совестью, христианскими традициями, и милосердием. «Закон 9 ноября (стольпинский. — Ш.) дает возможность богачам захватить всю надельную землю в свои руки, — писали, например, в «приговоре» крестьяне деревни Сельцо Пензенской губернии в 1909 году, — и оставить бедных совсем без земли. Такой несправедливости мы не допустим». Крестьяне Новоямской волости высказывались ещё решительней: «...Для крестьянства должно быть бес-

Однако традиционная небуржуазность русского народа есть несомненный факт, которым нельзя пренебрегать, если мы намерены впредь серьезно подходить к феномену национального типа и не строить воздушных замков. «Даже русский купец старого режима,— писал Н. Бердяев,—...склонен был считать это (свое обогащение — *Е. Щ.*) грехом... Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа».

А теперь послушаем, что утверждает писатель, вышедший из гущи крестьянской России. «Нельзя забывать,— написано в «Ладе»,— что в старину многие люди считали божьим наказаньем не бедность, а богатство. Представление о счастье связывалось у них с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолюбливала».

Вот вам самое наглядное подтверждение того, что никто и не думал в принудительном порядке навязывать нам теорию классовой борьбы. Крестьяне в массе своей *не любили* богатых, говорит нам потомственный крестьянин В. Белов, причем не только тех, кому богатство досталось по наследству (хотя и в этом ничего криминального нет, если имущество нажито честно), но заодно и всех, кто заработал его трудом и гнул спину от восхода до заката. Не думаю, что в поисках корней этой антипатии кивать надо исключительно на ущербную человеческую природу. Эта природа долго и упорно — буквально веками — воспитывалась в понимании того, что работай — не работай, честным трудом палат каменных не наживешь. Все равно найдется начальник, который изыщет способ и соответствующий закон заработанное у тебя отнять, а то и выгнать из дому.

Хотя... Г. Успенский, рассказывая, как за четвертак подговоренные рабочие убили хозяина мельницы, говорит: «Прошу покорно объяснить, какую именно роль в этом чарующем значении четвертака играет незначительность надела, обилие налогов, или недоимки...». За эти деньги ни земли не купишь, ни налогов не выплатишь. И как же получилось, что убийство совершили те самые «славные русские лица», которыми восхищается литература, приверженная к «слащавому, слюнявому отношению к народу» (Г. Успенский) ?

Восхищаются чудесной «непосредственностью» народа — и не знают, и не хотят знать, добавляет писатель, по какой дороге идет это его «непосредственное чувство».

Так что В. Белов, рисуя, как ему представляется, идеальную картину народного «нестыжательства», в действительности, разумеется, показывает глубочайшую противоречивость народной почвы. И ту основу, из которой в дальнейшем, не без помощи восторженно-обожательного отношения к

остров, на котором изо дня в день идет упорная борьба с жизнью, при неистовом терпении, неистовом труде, едва постижимых страданиях».

Но романтическое славянофильское сознание, упуская из виду подобные «мелкие» обстоятельства, не осознавало и еще одно — куда более крупное.

А именно — что «верхи» тоже исключительно устраивала такая жизнь! Что стремление русского человека жить и трудиться всем миром, «сообща» (очень нравящееся «деревенским» прозаикам) великолепно использовалось для своих собственных нужд царскими, а позднее советскими властями. Что держиморды всех мастей давным-давно сообразили: коллективом и управлять легче, и выгребать у него удобнее, и можно из его членов сделать прекрасных надсмотрщиков друг за другом. Община есть прежде всего круговая порука, писал А. Энгельгардт. Как известно, даже физически из одного большого амбара зерно выгрести легче, чем из нескольких маленьких...

Не напрасно в русской истории еще языческие князья поняли, что общинность надо поддерживать, поскольку личность, осознающая свою свободу и свое достоинство, помыкать и управлять собою не даст.

Исходя из этого нехитрого принципа и организовывались в конце 20-х сталинские колхозы. И сплачивание писателей, художников и артистов в соответствующие «единые коллективы», которыми легче можно было манипулировать, — явление того же порядка.

Так что здесь мы наблюдаем тот же двуединый процесс взаимовыгодных отношений «верхов» и «низов», что и в случае с традиционным русским бескорыстием, тоже в значительной степени работавшим на бюрократию.

Недаром, например, официальный публицист Н. Жеребцов писал в 1849 году в «Журнале Министерства Народного Просвещения»: «...Россия есть особая часть света, в которой свои собственные стихии, благоденствие, открываемые в древних установлениях и преданиях предков... Она доселе в мире единственное Царство, в котором общественное благосостояние совершенствуется на самых прочных началах — Вере, Самодержавии и Народности». Безусловно, что знаменитая уваровская формула «триединства», столь любезная сердцу казенного публициста, замечательно отвечала потребностям не только тогдашних «квасных патриотов», но и обильно расплодившегося государственного аппарата.

Только реакционно-утопическое сознание могло обожествлять общину и трогательно-братские отношения внутри нее. Поскольку сознанию неподвзятому было ясно: община давит, принижает и нивелирует личность, как никакой другой общественный институт. А личность в России и так придавлена — бюрократическим государством, его огромными размерами, сознанием всепроникающего беззакония, даже